

Журнал Пионер

№4 за 1977 год

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-053.2
ББК 74.27
Ж92

Ж92 Журнал Пионер: №4 за 1977 год / – М.: Книга по Требованию, 2024. – 80 с.

ISBN 978-5-458-44467-5

Пионер — ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ и Центрального совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина для пионеров и школьников. Основан в 1924 году, выходит в Москве. Первый номер вышел 15 марта 1924 года. На страницах «Пионера» выступали Н. К. Крупская, М. И. Калинин, Ем. М. Ярославский, писатели С. Я. Маршак, А. П. Гайдар, Л. А. Кассиль, Б. С. Житков, К. Г. Паустовский, Р. И. Фраерман, В. А. Каверин, А. Л. Барто, Виталий Бианки, С. В. Михалков, Юрий Сотник, В. П. Крапивин, Ю. Козлов и др. В 1938 году в журнале печаталась сказка «Старик Хоттабыч» Л. И. Лагина. В журнале сотрудничали (по состоянию на 1975) З. И. Воскресенская, М. П. Прилежаева, Ю. Я. Яковлев, А. Г. Алексин, Л. Г. Матвеева, В. А. Бахревский, художники О. Г. Верейский, Л. В. Владимирский, А. М. Каневский, Ф. В. Лемкуль, П. И. Кузьмичёв, Е. А. Медведев и другие. Позднее в журнале печатались произведения Эдуарда Успенского. «Пионер» имел постоянные разделы школьной и пионерской жизни, публицистики, науки и техники, искусства, спорта, детского художественного творчества. Журнал организовывал работу тимуровских команд и отрядов. Награждён орденом Трудового Красного Знамени (1974). Тираж в 1975 г. составлял свыше 1,5 млн экземпляров

ISBN 978-5-458-44467-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Чеканит шаг знаменосец, ликует звонкий горн, торжественна дробь барабана. В школе № 16 города Калининграда, Московской области, — праздник. Первоклассников принимают в октябрята.

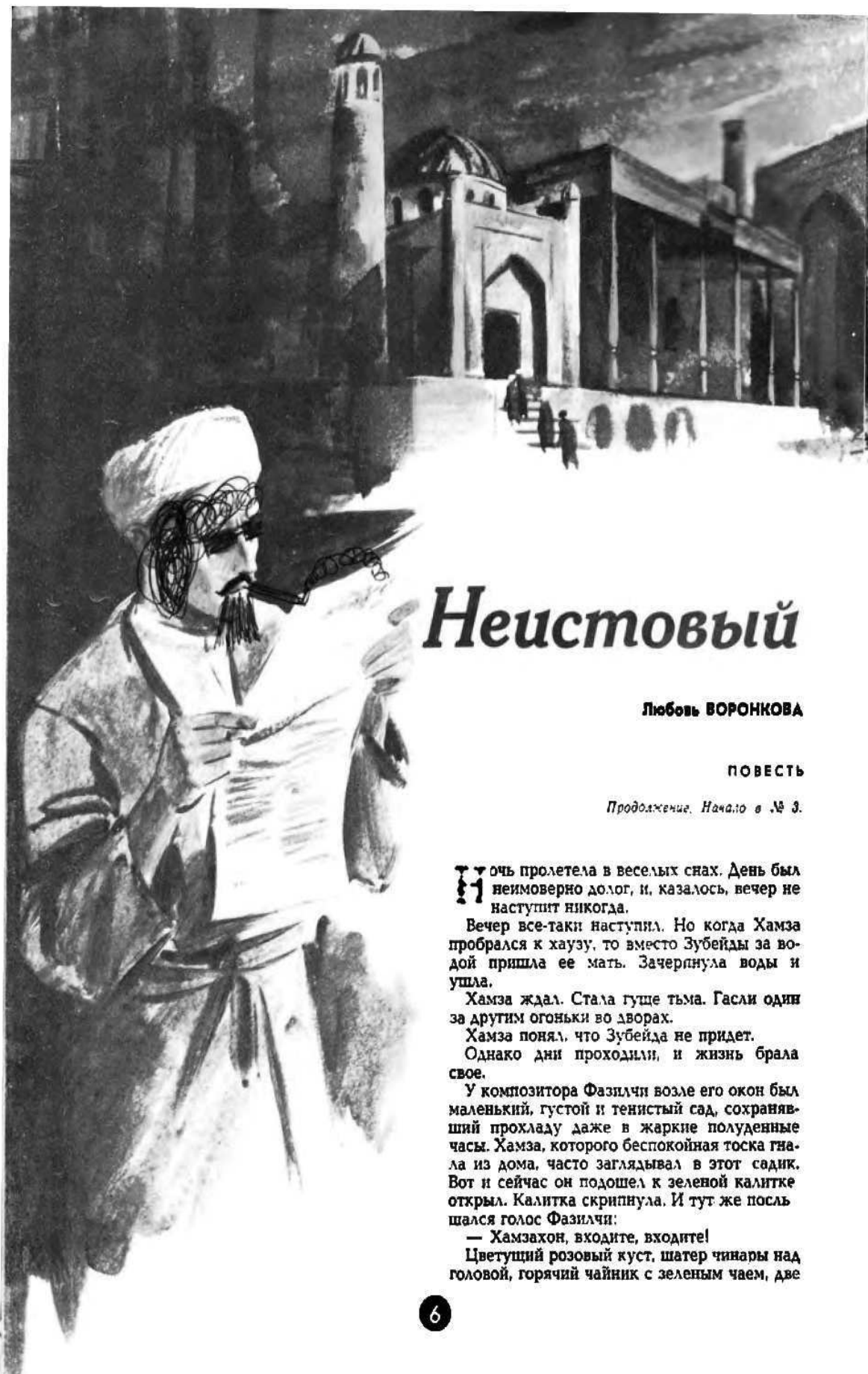
Нетерпением горят лица тех, кому еще не успели прикрепить на форму звездочку. А пионеры серьезны и сосредоточенны. Хотя волнуются, наверное, не меньше. И для них этот день очень важный: шефство над октябрятами — одно из главных поручений пионерам от комсомола.

Актный зал украшен флагами, шарами, на сцене школьный хор, со всех сторон — поздравления, поздравления, поздравления... Вместе с подарками каждая звездочка получает флажок. И сразу взрослеют первоклассники. Теперь они не просто малыши, ученики самого младшего класса, они октябрята, будущие пионеры. Многому они научатся, многое поймут до того дня, когда повяжут им красные галстуки. И все октябрятские годы будут рядом с ними их вожатые — надежные товарищи, веселые выдумщики, никогда не унывающие пионеры.

М. МАТВЕЕВА

Фотографии В. ПОСТНИКОВА

Неистовый

Любовь ВОРОНКОВА

ПОВЕСТЬ

Продолжение. Начало в № 3.

Ночь пролетела в веселых снах. День был невероятно долг, и, казалось, вечер не наступит никогда.

Вечер все-таки наступил. Но когда Хамза пробрался к хаузу, то вместо Зубейды за водой пришла ее мать. Зачерпнула воды и ушла.

Хамза ждал. Стала гуще тьма. Гасли один за другим огоньки во дворах.

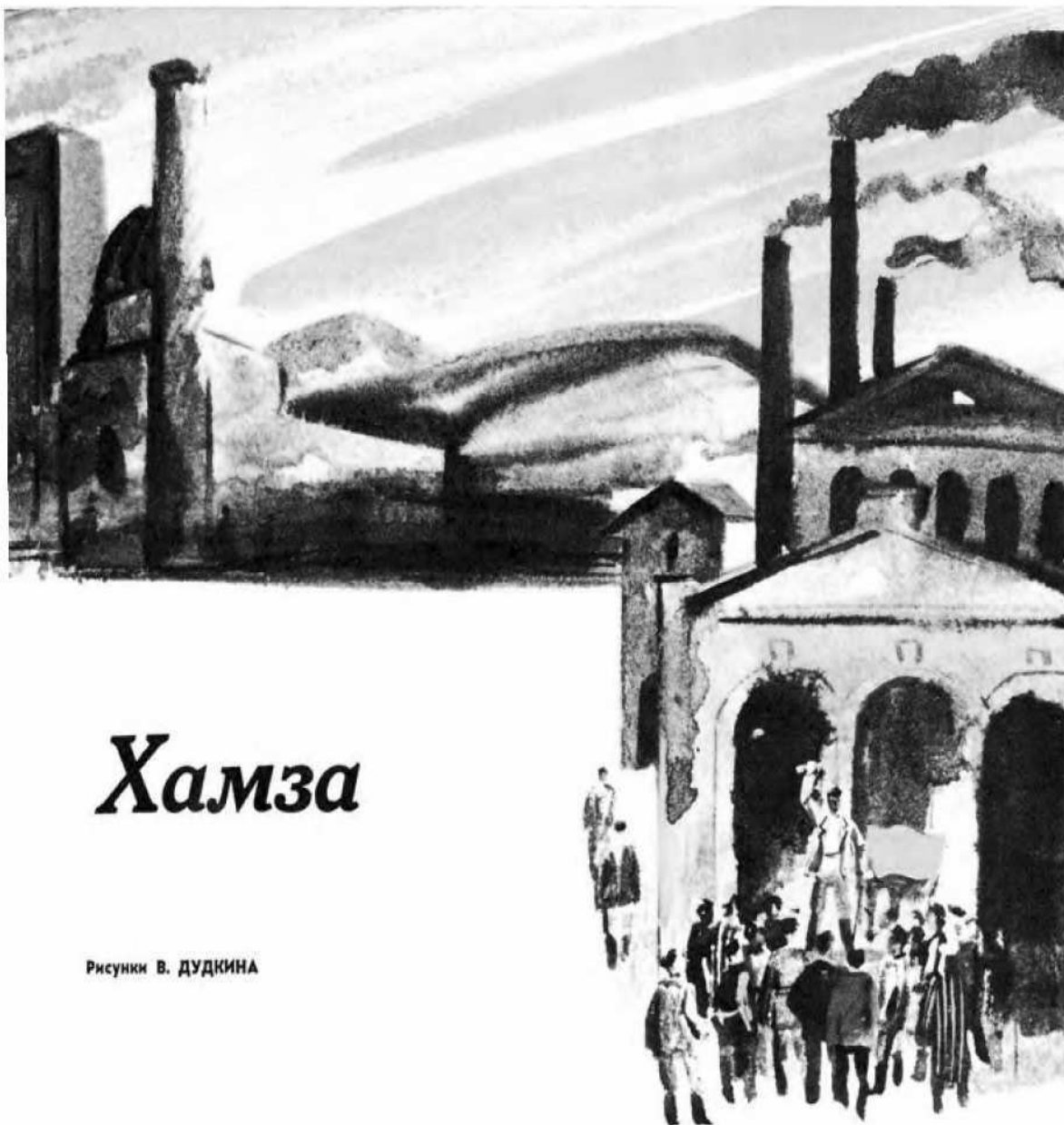
Хамза понял, что Зубейда не придет.

Однако дни проходили, и жизнь брала свое.

У композитора Фазилчи возле его окон был маленький, густой и тенистый сад, сохранявший прохладу даже в жаркие полуденные часы. Хамза, которого беспокойная тоска гнала из дома, часто заглядывал в этот садик. Вот и сейчас он подошел к зеленой калитке открыл. Калитка скрипнула. И тут же послышался голос Фазилчи:

— Хамзахон, входите, входите!

Цветущий розовый куст, шатер чинары над головой, горячий чайник с зеленым чаем, две

Хамза

Рисунки В. ДУДКИНА

пиалы, лепешка... Хамза почувствовал, что тоска, томившая его с утра, отступает.

— Я только что записал на ноты старую узбекскую песню, — сказал Фазилча, — женская песня. Послушайте, Хамзахон.

Фазилча взял дутар. Песня была протяжной, печальной, песня бесправной невольницы, купленной мужем, как покупают корову или овцу. Хамза, от природы музыкальный, тотчас уловил мотив. Они запели вдвоем под нежный звон дутара...

— Почему, ну, почему наш народ так несчастен? — сказал Фазилча, отложив дутар. — Что надо сделать, чтобы пробудить его?

— Я думаю, что наше несчастье в том, что народ наш неграмотен, — ответил Хамза, — просвещенный человек не даст так угнетать себя! Вот и Фуркат об этом говорит. Помните его стихи «О достоинствах науки»?

*«А теперь времена наступили благие,—
Наш теперешний век — это время России.
...Она пестует знания с великим старанием
И во всем поступает по их предписаньям.
Чудной силой науки открыта она!»*

Так кончались стихи.

Фазилча, задумавшись, молчал.

— Вот видите, Фазилча, — сказал Хамза, — это пишет узбек, мусульманин. Как нам, мусульманам, дружить с русскими, если они неверные?

— Я думаю, — осторожно ответил Фазилча, — нельзя делить людей на мусульман и неверных. И среди неверных есть нашему народу друзья. И среди мусульман есть враги.

— А как же узнать правду? Как узнать, что творится на свете?

— Надо читать, Хамза.

— Читать! Вот я читаю Фурката и прячу его под матрас. А что читаю в медресе, это вы знаете.

— Читайте газеты, журналы.

— А где я возьму их? Лишь иногда достаю случайно.

— Можно выписать.

— Отец не позволит. Вот если бы выписать на чужое имя...

— Можно. Я сделаю, Хамза, на мое имя.

— О! Спасибо. Жертвой мне быть за вас, Фазилча!

— Надо пойти в русскую школу. Вот Назиржан учится в русско-туземной.

— Отец и на это не согласится.

— Поговорите, Хамзахон, еще раз с отцом, он же умный, образованный человек!

— Поговорю.

...Сталось так, как и предполагал Хамза.

— В русскую школу? — Отец сразу нахмурился. — Что за мысли кипят у тебя в голове? Зачем ишану русский язык? Ты ведь не в купцы готовишься. Это купцам нужен русский язык, они ездят торговать в Россию. Но какое тебе-то дело до всего этого. Хамза?

— Хочу знать русскую культуру, дада. Я не смогу стать образованным человеком, если русская наука и литература будут мне неизвестны!

— Но разве хазрат¹-ишан знает русский язык? А он могущественный человек!

— Но, дадажон...

— Я не хочу кяфира у себя в доме. Кто же из правоверных пойдет тогда лечиться ко мне?

— Но, дадажон...

— Вот ко мне уже идут. Ступай, ототри калитку.

Лето уходило, но жара стояла бездыханная. В полдень, когда, казалось, даже камни задыхались от жары, Хамза шел по безлюдной улице. Он шел один, как во сне. Днем улицы вымирали, и лишь в сумерки снова начиналась жизнь в городе.

И вот, как бывает во сне, из голубой калитки появилась легкая фигурка под темной паранджой. Хамза остановился, не веря своему счастью и боясь ошибиться. А если это не Зубейда? Большой скандал — затронуть чужую женщину на улице!

Но женщина, быстро проходя мимо, отогнула чачван, черный глаз сверкнул из-под него.

— Хамза, не ходите к хаузу. Я думаю о вас. Я помню...

— Но когда же, Зубейдахон?

— Я скажу. Ждите.

Темная паранджа пролетела мимо. Он, не ожидая этой встречи, не заметил, как забрел на эту улицу. «Помню. Думаю о вас...»

Жизнь заиграла, запела, засверкала звездой.

дами... Душа воспрянула. Трудно бороться с отцом, со старым укладом семьи. Но Хамза будет бороться. Он будет бороться.

Разлад

Хамза больше не спорил с отцом. Однако он не уступил ему. Хамза затих.

Иногда отцу казалось подозрительным такое молчаливое смирение Хамзы. Хотелось понять: чем живет сын? Где он бывает? О чем думает? Но Хамза редко и ненадолго появлялся на мужской половине дома, да и мешали больные, которые непрерывно шли к

ученому лекарю — табибу. Хамза уходил, приходил, но ни с чем не обращаясь к отцу. Вот и сейчас он дома, отец видел, как промелькнул во дворе его яркий ферганский халат.

Хамза незаметно пробрался в чулан, где хранились котлы, кунганы, кувшины и съестные припасы. Запер дверь, развязал поясной платок и бережно вынул из-под халата несколько газет и журналов. Фазилча сдержал обещание. Пристроившись у маленького окошка, через которое еле проникал свет, Хамза с замиранием сердца развернул газету.

Он читал жадно, читал все подряд. Шум жизни, бурлящей вокруг, шум событий, о которых он ничего не слышал за стенами медресе, высказывания и мысли людей, озабоченных судьбой Туркестана. — все это обрушилось на него с газетных страниц. Забастовки рабочих. Выступления русских марксистов против догм религии, которая держит

¹ Хазрат — титул высокопоставленного лица, святой

темных людей в рабстве. Выступления идеологов местной буржуазии — джаидов, которые разжигали национальную вражду между русскими рабочими и тружениками-узбеками. Выступления социал-демократов против великодержавного шовинизма и против буржуазного национализма...

Многое прояснилось, многое становилось на место. Не на русских и узбеков, а на трудящихся любой национальности и эксплуататоров любой национальности — вот как стал делиться мир. И не убивать надо кяфира, как настойчиво твердит коран, а бороться вместе с ним против «белого царя», против самодержавия и против своих местных угнетателей. Разобраться во всем этом было трудно.

*Жара стояла бездыханная.
Хамза шел по безлюдной улице,
шел один, как во сне.*

Хамза осваивал постепенно, но твердо. Он походил на человека, который был слеп и теперь начинает прозревать.

У друзей Хамзе было хорошо. Затаив от домашних свои думы и волнения, он направился к Махмуду Тараше. Белая глухая улица, все еще раскаленная солнцем, вела прямо к двухэтажному дому, где наверху, в летней комнате — балахане никогда не запирается дверь. В последнее время он крепко подружился с Махмудом, у которого было такое смешное прозвище: Тараша, Лучинка, — за то, что Махмуд был тощим.

— А, Хамза!
— Салам, друзья!
— Салам, салам, Хамза!

У Хамзы темным золотом засияли глаза. И

Назиржан здесь, и Буранбай, и Махмуд Сатаров. И сам хозяин Махмуд Тараша — очень худой, но очень изящный юноша. И кто-то еще...

— А у нас гость, Хамза!
Хамза остановился в изумлении.
— Убайдулла-ака!

На курпаче среди молодежи сидел поэт Завки. Смуглое лицо, тронутое морщинами, веселые карие глаза с голубыми белками, ферганская тюбетейка на бритой голове.

Хамза почтительно поклонился, прижав к сердцу правую руку.

— Это Хамзахон, — сказал Махмуд поэту, — он тоже пишет стихи.

— Оставь, Махмуд. Какие там стихи, когда здесь сам Завки!..

— А вы читали Завки? — с лукавой усмешкой спросил поэт.

— Читал. Конечно, читал.
— И даже то, что не печаталось?
— Больше то, что не печаталось.
Завки засмеялся.

— Именно так! Ведь большая часть из того, что я написал, не печаталась. Но я вижу, это не мешает людям читать мои сатиры! Что же вам понравилось, что запомнилось?

— Многие. Особенно «Аксаб Эрмас»!
— Хамза! — с упреком сказал Махмуд Сатаров. — Как же это ты сам читаешь, а нам ничего не говоришь? Мы тоже хотим знать!

— Давайте попросим Убайдулла-ака почтить нас!

— Пожалуйста, Убайдулла-ака! — в один голос отозвались друзья. — Очень просим вас!
— Ну что ж, слушайте.

Хамза присел на край курпачи рядом с Назиржаном. Поэт помедлил и, опустив глаза, начал негромко читать свои стихи.

Завки замолчал. Молодые люди сидели, как оглушенные. Лишь слабые восклицания:

— О, Убайдулла-ака!
— О, жертвой мне стать...

Когда все умолкли, а Завки, улыбаясь прищуренными глазами, поглаживал серебристую бороду, Хамза тихо сказал:

— Простите меня, Убайдулла-ака, но я хотел бы спросить...

— Спрашивайте, Хамза.
— Я бы хотел знать: вы верите в то, что сказано в этих стихах? Или вы написали их для утешения народа?

— Да, я в это верю, — ответил Завки, — и не только верю, я это знаю. Наступают иные времена, хорошие времена. Царизм будет уничтожен, а с ним и наши баи, наши муллы и ишаны, которые кланяются царским сатрапам в ноги, помогая угнетать свой родной народ! Это будет.

— А у нас тут свой будущий ишан! — Буранбай подмигнул друзьям и засмеялся.

¹ «Аксаб Эрмас» — «возможно».

Румянец вспыхнул на щеках Хамзы. Он не знал, что сказать. Вступился Назиржан:

— Он ведь не сам выбрал себе эту дорогу!

— Конечно, не сам! — поспешил вмешаться Тараша. — Если отец прикажет, то...

— Да, — задумчиво сказал Завки, — семейные традиции у нас крепки. Не всегда правы дети. Не всегда правы и отцы.

— У нас народ совсем неграмотный, — сказал Хамза, — как же ему понять, что он сам может изменить свою тяжелую жизнь? Как он может поверить вам, Убайдулла-ака, или другим просвещенным людям, что не все то правда, чему учит имам? Школы нужны. Нам всем нужно образование. Настоящее.

— Это так, — сказал Завки, — образование, просвещение. Но чтобы получить их, народу нужна свобода.

Все замолчали, задумались.

— Ну вот, как объяснить прощю? — продолжал Завки. — Мы, прогрессивная интеллигенция, за науку. Мы против царизма. Мы за революцию, за права и за власть трудового народа. Довольно, друзья! — помолчав, закончил он. — Давайте теперь споем. Есть тут у вас какие-нибудь струны?

— А как же? — Тараша встал и снял со стены дутар¹. — Вот они, струны!

— А владеет ли ими кто из вас?

Тараша передал дутар Хамзе.

— Хамзу дутар слушается больше всех!

Хамза тронул струны, и казалось, что дутар сам запел под его рукой.

Этот вечер с Завки словно высветил мысли Хамзы. Многие решения утвердились. Многие колебания устранились. Будущее определялось отчетливей.

Лето уходило. Стояли тихие золотые дни. Наступило время собираться в медресе.

Но когда пришел час надеть одежду мулала, Хамза сказал:

— Дадажон, я больше в медресе не пойду.

Прощай, Зубейда!

Осенью отцовский дом для Хамзы наполнил опустел — любимая сестра Ачахон вышла замуж и уехала с мужем в Ураганджбат, в дехканскую семью.

Хамза понимал, сколько горя он причинил своим родным. Он пробовал объяснить отцу, почему для него больше невозможно ходить в медресе.

— Дадажон, поймите, я не могу обманывать народ. Я не могу за каждую свою молитву требовать денег.

¹ Дутар — музыкальный инструмент с двумя струнами.

— Почему же? Молитву ~~нельзя~~ слышит пророк.

— Я не видел, чтобы когда-нибудь молитва помогла безземельному бедняку обрести хотя бы кусок земли, помогла бы его семье не умереть с голоду.

— Ты забываешь о законе ислама — о предопределении. Если у человека нет земли и он беден, значит, такую судьбу ему определил аллах. Ты оскорбляешь религию, Хамза!

— Дадажон, но вы тоже оскорбляете ее. Если человек болен, значит, так определил ему аллах. Зачем же вы идете против предопределения и лечите его?

— Ты дерзок, Хамза, — печально сказал он, — ты забыл о повиновении. Проси аллаха, чтобы он простил тебя по милосердию своему.

Хамза видел, что отец разгневан. Но он все еще надеялся убедить его в своей правоте.

— Дадажон, как научиться мне лицемерить? Наши муллы призывают не стремиться к богатству, жить в бедности... А вы знаете, сколько у ходжи Ахрара было земли? Тысяча триста наделов! И сады, и виноградники, и скот, и магазины, и бани... А ведь он был ходжа, святой! Почему же он не стремился к бедности, угодной аллаху?

— Я больше не хочу слушать твои нечестивые речи, Хамза. Ты сам не понимаешь, что сломал свою жизнь.

— Не сломал, а уберек себя от ложного и бесчестного пути.

— Что же ты будешь делать теперь?

— Буду учителем. Буду просвещать наш несчастный, забитый баями и муллами народ. Дадажон, вы сами человек просвещенный, почему же вы меня не понимаете?

— Учителем? Для этого надо иметь образование. А ты бросил медресе. Я столько денег потратил и на худжу, и на дорогие книги, и на подарки мударрисам!

— Я пойду в русскую школу!

— К кяфирам?

— Дадажон, вы же тоже общаетесь с кяфирами. Когда вам нужна помощь, вы идете за советом к русскому врачу.

Отец, который разгневанно метался по комнате, вдруг остановился, грустно посмотрел на Хамзу. И, опустившись на курпачу, сказал тихо, со вздохом:

— Неужели ты не понимаешь, Хамза, что я хотел для тебя лучшей жизни, чем моя? Ты решил иначе. Но помни, что согласия моего на это я не давал. Иди! Нам больше не о чем разговаривать с тобой!

— Дада...

— Иди. И живи как хочешь. Как хочешь! ...Золотые сумерки глядели в окна балаханы. Дутар, забытый, висел на стене.

«Живи как хочешь». А как жить? Не знаю. Отец отвернулся от меня. Мама плачет. Хоть не ходи домой.

— Вот что я думаю, Хамза.— Тараша, как всегда, говорил мягко и негромко.— Станешь работать. А жить будешь здесь. Что мы с тобой, не поместимся вдвоем в такой большой комнате?

— Спасибо, Махмуд.— Хамза вздохнул.— Мне сейчас очень тяжело оставаться дома. Хоть бы Ачахон была здесь...

— А мне-то как хорошо будет с тобой, Хамза! — продолжал Тараша.— Заживем на славу!

— Спасибо, — повторил Хамза.— Завтра же пойду на хлопкоочистительный. Думаю, работа найдется.

— Еще бы! Ты же грамотный человек, Хамза!

Работа нашлась, его взяли учетчиком. Началась новая, необычная жизнь. Днем — работа. Вечером — книги, разговоры, песни под дутар.

И встречи с Зубейдой. Редкие, случайные, но полные счастья.

— Буду работать, заработаю калым за тебя.

— О, Хамзахон! — Зубейда закрывала лицо рукавом.

— Я уже договорился с учителем. Поступлю в русскую школу. Буду работать и учиться. Получу настоящее образование, тогда и работа у меня будет получше.

— Вам долго придется учиться, Хамзахон?

— Всего два года, Зубейда! Всего два года. Ты можешь подождать?

— Могу, Хамзахон...

В один из вечеров Назиржан, как всегда, пришел в школу русского учителя Орлова и, как говорят, от удивления «выронил арбузы из подмышек»: среди учеников сидел Хамза.

— Хамза!

— Назиржан!

Друзья уселись рядом, как сидели когда-то в мактабе.

Теперь Хамзе казалось, что все на свете достижимо. И заработать калым, и устроить дом для Зубейды, и быть счастливым... Заработок пока невелик, но если Хамза постарается, то будет зарабатывать больше. И неужели отец навсегда отвернулся от него? Нет. Если понадобится, он поможет.

Беда подстерегает человека в самые веселые часы его жизни. В этот вечер Хамза, придя с работы, заметил, что Тараша чем-то опечален.

— Что-нибудь случилось, Махмуд?

Тараша как-то странно поглядел на него.

— Не у меня случилось. У тебя...

— У меня? Что же?!

— Я слышал, что затевается свадьба.

У Хамзы сжалось сердце.

— Чья свадьба?

— Говорят, сватают Зубейдахон.

Хамза вскочил и бросился вниз по узкой крутой лестнице. Он бежал не помня себя к заветному хаузу. На этот раз ему не пришлось ждать Зубейду, она уже стояла под чинарой.

— О, Хамзахон! — В голосе ее были слезы.— Дод¹! Хамзахон! Дод!..

— Говори, Зубейда, что?

— Меня обещали купцу... баю... Старому баю! Дод!

Хамза растерялся. Что делать?

— Ты говорила с матерью? С отцом?

— Говорила! Я в ногах у них валялась! Я на коленях стояла перед ними! Не видят, не слышат ничего... Ничего, кроме его денег!

— Не плачь, Зубейдахон, — сказал Хамза, собравшись с духом, — я поговорю со своим отцом. Он поможет нам. Он найдет денег...

Отец молча открыл ему дверь...

— Что ж? — сказал он, выслушав Хамзу.— Если у тебя есть деньги, женись. А у меня нет средств на твою женитьбу.

— Вы разбиваете мою жизнь, дадажон!

— Ты сам еще раньше разбил ее.

Хакимча-табиб еще поворчал на Хамзу. Еще поспорил. Но, наконец, сдался. Пусть женится. Но когда пошли свататься, родители Зубейдахон отказали: она уже просватана.

Богатая свадьба шумела на всю махаллю. Музыка, песни не умолкали. Звон дутаров и рубабов, как серебряный дождь, заливал улицы. Ой, яр-яр!

*«Нам знаком тот берег Зеравшана,
Мы наездники родных степей.
От тяжелой золоченой сбруи
Стерлась шерсть на крупах у коней.
Раньше я стрелой одной ресницы
Сто красавиц сразу убивал,
А сейчас от девичьего взгляда
Воробьем убитым сам упал!»*

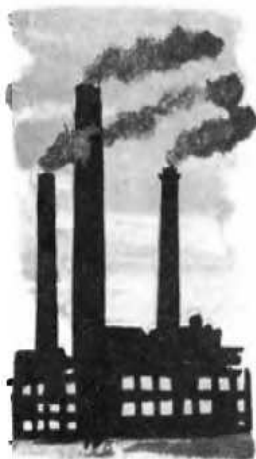
Ой, яр-яр!»

Ему не удалось даже проститься с Зубейдой.

Отшумела свадьба в махалле. Зубейду отвезли в богатый дом старого кокандского купца.

С этого дня между бровями у Хамзы прорезались две морщинки да так и остались на всю жизнь.

¹ Дод — крик о помощи.

Горькие дни

Хамза давно не появлялся в отцовском доме. После того как Зубейду выдали замуж, он не смог оставаться в Коканде. Уехал в Наманган, учился на курсах, изучал арабский язык, писал стихи... Потом отправился в Бухару, чтобы там заняться как следует арабским языком. Но в Бухаре шла религиозная резня между двумя сектами ислама. Пришлось бежать сначала в Каган, потом в Ташкент...

Прошло некоторое время, и Хамза снова появился в Коканде.

Дом встретил Хамзу непривычной тишиной. Он прошел в ичкарю. Вся семья молча сидела у постели больной матери.

— Мама, мама, это я!

Глаза матери были закрыты. Длинные черные ресницы дрогнули.

— Ты здесь, сынок?

— Здесь, мама, здесь!

Матери вскоре не стало.

А потом в дом вошла молодая мачеха, вторая жена отца. С первой же встречи Хамза понял, что они не будут друзьями, — так неприятлив был ее взгляд, таким недобрым становилось ее лицо, когда ей случалось встретиться с Хамзой.

Это было тяжело. Хамза никак не мог примириться с тем, что в ичкарю, где жила его мама, теперь хозяйничает эта чужая, совсем чужая женщина. И все чаще он после занятий уходил к Тараше или к Назиржану.

Однажды Хамза пришел с завода взбудораженный и расстроенный — к этому времени он уже окончательно переселился к Тараше.

— Садись ужинать, — сказал Тараша с тревогой, поглядывая на Хамзу, который нервно ходил взад и вперед по комнате.

— Не могу я есть.

— Что случилось? У тебя неприятности?

— Не у меня... Но, можно сказать, что и у меня. Хозяин нечестно расплачивается с рабочими!

— Неспokoйный ты человек, Хамза! — сказал Тараша. — Тебя все касается, тебе все нужно!

— Махмуд! — Хамза сверкнул глазами от возмущения. — Хозяин обманывает рабочих! По-твоему, я должен выполнять его приказания обчитать их? Ты же знаешь, что значит для них каждый грош!

— Он создаст дурную славу, и тебя не возьмут ни на какую работу. Что ты будешь делать тогда? — Тараша развел руками.

— Знаю, Махмуд. Все понимаю. Но как молчать?.. О! — Хамза остановился среди комнаты. — Придумал! Напишу стихи про хозяина!

— А за стихи тебе не попадет?

— Как он узнает, что это я написал?

Вскоре по заводу пошли гулять ядовитые

строчки. Стихи запомнить было легко, и рабочие со смехом передавали их один другому. Стихи попали в руки управляющего. А из этих рук легли на стол в кабинете хозяина.

— Кто это написал? — спросил хозяин.

Управляющий пожал плечами.

— Ищите среди грамотных. У нас их не так много. А когда найдете, немедленно рассчитайте.

В тот день Тараша, придя с работы, увидел, что Хамза уже дома. Их глаза встретились.

— Что Хамза? Рассчитали?

— Да. Как догадался, не пойму.

— Это уже неважно. Теперь надо думать, что делать дальше.

— Я уже надумал. Уеду в Ташкент. Уж там-то работа найдется. Курсы я закончил. Русский язык знаю. А кроме того, турецкий, арабский, персидский. Неужели пропаду?

Тараша вздохнул, задумался. Ему не хотелось отпускать Хамзу. Не тот у Хамзы характер, слишком пылкий, во все-то ему непременно надо вмешиваться, отстаивать правду... Как он там будет один, без родных, без друзей?

В ночь перед отъездом Хамза совсем не спал. Томила тоска. В эту ночь он написал свои горькие стихи:

*«Я был человеком добрых дум,
но у людей дурным прослыл,
был сердцем сахару подобен,
но янтaком¹ сухим прослыл.
Родители чужими стали
и отказались от меня.
Так горестно на белом свете
страдал ли кто-нибудь, как я?
Души невысказанной муки
скрывал ли кто-нибудь, как я?»*

¹ Янтaк — колючая трава, верблюжий корм.

Снова в Коканде

Никто не знает, сколько нужды и обид пришлось вытерпеть Хамзе в Ташкенте. Сам он никому ничего не рассказывал об этом. Лишь по его стихам можно понять, что не только сам он испытал нужду, и голод, и унижения, но и наглядился этого же среди городской бедноты.

«Надо учить, просвещать народ. Мы все, получившие образование, обязаны это делать!»

В эти сумрачные годы лучшим его утешением и радостью были книги. Муками, Навои, Фуркат, Завки... Их чувства, их мысли были близки и понятны ему, это были его учителя, его союзники. Были в его уме и русские классики: Толстой, Пушкин, Чехов, открывшие ему огромный мир, они помогали ему жить в его полутолом одиночестве.

В доме Тарашы наступил праздник, когда Хамза переступил его порог.

Прошло около трех лет. Жизнь не ладилась. И все чаще, все настойчивее появлялась мысль: надо открыть школу и учить народ грамоте — это то, что он в силах сделать, чтобы помочь родной стране.

И Хамза вернулся в Коканд.

Снова белые узкие улицы Коканда, снова ветер бушует по всему городу, взметая желтую пыль. Хамза, загорелый, похудевший, в старом халате с тощей сумой за плечами, шел, подставляя ветру лицо и улыбался. Нет, все-таки хорошо дома!

Куда идти? К Тараше? Или зайти домой? Хамза в раздумье замедлил шаг.

И повернул к дому. Хамза шел домой со смутным чувством в душе: и отца жалко и мачеху видеть не хочется, то-то будет злорадствовать, когда увидит, что не нажил он богатства, что нет у него положения!..

И все-таки это был его родной дом, в котором жили знакомые запахи душистых трав и горьких лекарств, дом, где в маленьких

комнатах таились воспоминания детства. Казалось, вот он сидит здесь, у отца, а с женской половиной сейчас послышится голос матери, она выйдет и скажет, всплеснув руками:

— Это ты, верблуженок мой!

Но вышла не мама, а мачеха.

— А! — сказала она. — Вернулся-таки. Видно, в Ташкенте хлеба мало, что такой тощий?

Отец нахмурился и велел ей уйти в ичкарю. Она усмехнулась и ушла, проворчав:

— Пожалуйста! Мне и неинтересно...

Родной дом — и не родной. Дети брата Исроиля, племянники Хамзы, бегают по комнатам, с любопытством разглядывают его. Брат как будто обрадовался, увидев Хамзу, но Исроиль-ака очень сдержанный человек. Поздоровался, улыбнулся — и все.

Поговорили за достарханом¹. Хамза спросил о сестрах, как живет старшая сестра Хожархон-апа? Как живет Ачахон?

— Ничего, живут.

Пили чай с лепешками. Ели шашлык.

— Так как же? — Отец посмотрел на Хамзу. — Останешься или опять уйдешь?

В его глазах было что-то жалкое, беззащитное, он смотрел на Хамзу, и Хамза видел, что отец боится снова потерять его.

— Останусь, — со вздохом сказал Хамза.

И Хамза остался. Но на другой же день и во все последующие дни он чувствовал, что родной дом — не родной. Ушла из него сердечная теплота, ушла тихая радость, ушла уверенность, что твое место в этом доме, твое по праву.

Зато в доме Тарашы наступил праздник, когда Хамза переступил его порог. Услышав о том, что Хамза вернулся к Тараше, один за другим спешили друзья — Назиржан, Бурнабай...

— Расскажи, Хамзахон, где был, что видел?

— Был в театре, друзья. Мусульманское общество любителей открыло театр.

— Интересно!

— Очень интересно, друзья! Видел там пьесу джадда Бехбуди «Дискуссия одного француза с бухарским мударрисом». Занятно. И еще одну: «Подаркуш» — «Отцеубийца». Тоже Бехбуди.

— В Ташкенте, конечно, другая жизнь! У них и театр и пьесы.

— Только не те пьесы, которые нужны! — Хамза стал горячиться. — Театр — это могущественная сила! А они ставят такие беззубые, такие никчемные пьесы! Лишь бы развлечься. А можно бы делать огромное дело, показав жизнь нашего народа, не прикрываясь ложью!

— Вот бы и нам! — вздохнул Назиржан.

— У нас нет денег, — с сожалением сказал Тараша. — Да и пьес нет.

— Пьес нет?! — Бурнабай даже вскочил. —

¹ Достархан — скатерть с угощением.

Да Хамза сам напишет. Еще и получше этого Бехбуди!

— А пока нет театра, надо нам устроить хотя бы музыкальный кружок! — сказал Хамза.

Все подняли глаза, посмотрели на стену, где висели музыкальные инструменты: дутар и дойра.

— Да, маловато... — Хамза, снял со стены дутар. — Я новую песню знаю. Русскую.

— Веселая?

— Нет. Совсем невеселая. Героическая. Хорошая песня. «Варяг».

— А что такое «Варяг»? Кто такой?

— Корабль так назывался. Во время войны России с Японией. Японцы хотели взять его в плен. А матросы и капитан сказали: погибнем, но врагу не сдадимся.

Хамза заиграл на дутаре, запел:

*«Наверх вы, товарищи, все по местам!
Последний парад наступает...
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Поцады никто не желает...»*

Задумчивый голос Хамзы, трагические сло-

ва о гибели славного русского корабля взволновали друзей. Чужая песня нашла дорогу к их душе. Спели еще раз все вместе.

— Эх, музыка не та! — вздохнул Хамза. — Была бы у нас мандолина!.. Хороший инструмент, я там выучился играть на ней...

— Может, купим? — нерешительно предложил Буранбай. Он знал, что лишних денег у них ни у кого нет. — Дорогая она?

— Дорогая. Десять рублей.

— А я сегодня жалованье получил, — вдруг сказал Назиржан, — в первый раз. Ровно десять рублей.

— Назиржан? — У Хамзы заблестели слезы. — Давай купим на них мандолину.

— А если мандолина будет, — поддержал и Тараша, — то можно, пожалуй, устроить и музыкальный кружок!

Мандолину купили. Ее малиновый звон зазвучал в балахане. Люди шли мимо, останавливались, слушали... Что там такое? Не рубаб, не саз... И песня незнакомая. А хорошая. И музыка хорошая. Красивая музыка!

Но как ни старались друзья, музыкального кружка не получилось.

*Сначала
дети
учили буквы.
Потом
старались
из букв
составить
слово.*

